

DOI: [https://doi.org/10.18524/2410-2601.2019.2\(32\).188560](https://doi.org/10.18524/2410-2601.2019.2(32).188560)

УДК 13:7.01:82-1

Елена Соболевская

SCIENCE INDEX (SPIN-код): 3893-7674

«ЕСТЬ ГОРОДА, В КОТОРЫЕ НЕТ ВОЗВРАТА...»

(ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ ИЗГНАНИЯ)

Данный текст представляет собой десять философско-поэтических вариаций на тему изгнания. Каждая вариация является развитием какого-то одного ключевого мотива и прояснением особенностей экзистенциального бытия человека-изгнанника. Изгнание интерпретируется в различных смысловых модусах и утверждается в качестве неперемного условия, способствующего выходу в особое экзистенциальное измерение и связанное с ним понимание жизни.

Ключевые слова: изгнание, боль, тоска по родине, жизнь, смерть, возвращение.

Вариация первая

The condition we call exile. Изгнание – это не только то состояние, которое мы обретаем, но и то состояние, которым мы изначально помимо нашей воли наделены. Узнавание себя уже-изгнанными, прежде чем нас вторично куда-то изгоняют, усугубляет и вместе с тем облегчает нашу экзистенциальную участь. Изгнание (и связанная с ним тоска по родине), подобно течению болезни, может быть стабильным, но может ухудшаться, давать сбои, не вписываться в общепринятую, вероятностную картину заболевания. Поначалу изгнание, как и болезнь, имеет крайне ограниченное число вариантов (диагнозов), оно по сути безлично, но затем из слепой, безличной, априори данной формы-судьбы изгнание поэтапно или же стремительно (это уж как придется) преобразуется в неповторимую судьбу человека, обретает всегда конкретную экзистенциальную наполненность. Судьба человека, его жизнь, окончательно оформляется смертью. Но в то же время смерть не налетает извне, из невесть откуда и невесть какая... она готовится всею жизнью и, будучи с жизнью тесно связанной, может быть не готовой, не созревшей, не спелой.

С изгнанием, если это судьба, поступают как со смертью (или как с неизлечимой, хронической болезнью). С ним, как и с ней, надо как-то жить. К нему, как и к ней, привыкают, его, как и ее, осваивают, впускают в дом своего бытия, живут в перспективе и неизбежности. И ежели мы в них вживаемся и с ними уживаемся, слепая, беспощадная, темная сила, повелевшая быть изгнанным и смертным, уступает место милующему, светлому Божественному провидению.

Вариация вторая

Я прожила не свою жизнь. Эти слова Ариадны Эфрон сопровождают меня вот уже четверть века. Очевидно, что в её конкретном случае смысл сказанного понятен и возражения попросту неуместны, но очевидно также и то, что Марина, претерпевшая не меньшую долю страданий, никогда бы таких слов не сказала. Билет не единожды возвращала, но жизнь *свою* проживала, вернее, из последних сил изживала из себя жизнь... чтобы не уйти из жизни живой. А свою ли жизнь в таком случае прожил Осип Мандельштам, Павел Флоренский, Лев Гумилев, Иосиф Бродский и т.д.?! Свою ли жизнь прожил Овидий, умерший в далекой ссылке за тридевять земель от родного Рима, или же Данте, изгнанный из горячо любимой им Флоренции?! Первый не выбирал изгнания и смерти на чужбине, но готов был раскаться и в родные края вернуться. Второй, правда, тоже не выбирал, но и не променял своего изгнания на свечу и покаянную рубаху – выбрал горький опыт невозвращения, освоил изгнание, сделал его своим... Ведь мы и смерть по большому счету не выбираем, но умираем-то мы своей, а не чьей-либо чужой смертью.

Может ли человек вообще прожить не свою жизнь и, соответственно, принять не свою смерть, даже при невозможности совершить адекватный выбор, когда он ни то, ни другое из видимых вариантов не выбирает, когда у него, как это говорят, нет выбора? Может ли это *нет выбора* быть не его? Человек в таком случае всё равно выбирает вот это самое *нет*.

Вариация третья

Бродский так и не вернулся в Ленинград... хотя бы по той простой (не простой!) причине, что, когда возвращение на родину стало возможным, Ленинграда уже не было – был Петербург. Но при этом он совершенно реально в модусе Данте вернулся во Флоренцию и тогда же не менее реально (но уже в своём модусе) – в Ленинград. Опыт невозвращения на родину неизбежно становится опытом возвращения и у Мандельштама, и у Бродского.

Тарковский, уехавший снимать «Ностальгию» и беспрестанно понуждавший своих актеров не играть, а жить в предлагаемых обстоятельствах, получил в итоге и ностальгию, и жизнь, и смерть в предложенных Ностальгией обстоятельствах. Это ли не реализация Божественного замысла?! И те таинственные схождения и пересечения судеб, которые мы теперь различаем, уж точно делом рук человеческих быть не могут:

Андрей Тарковский жил во Флоренции, на улице Сан-Никола, 91. Это старый дом с массивной дверью и каменной плитой над ней. Теперь на плите выбита надпись: «Андрей Тарковский. Величайший режиссер интеллектуального

кино в изгнании во Флоренции в этом доме провел последние годы своей жизни. Гость и почетный гражданин Флоренции».

Вариация четвертая

Изгнание как мироощущение, как способ бытия. Я просеиваю окружающий мир, отбираю своё в соответствии с удерживаемым мною состоянием вынужденного пребывания на чужбине, различаю вещи не сами по себе, как известные или неизвестные, радующие или печальщие, но – как в моих краях отсутствующие, чужие, иностранные или же – как моим краям свойственные, родные, изумляющие своим здесь-вдруг-нахождением. И в эти последние я вживаюсь, начинаю дышать – восстанавливать родину по крохам милостью Божией данным. Сущее обретает неожиданный ракурс... Изгнание реализуется как опыт выстраданных смыслов, через бытие в этих смыслах и их умножение можно впасть в всполох смыслов скорби мировой по утраченной отчизне.

Изгнанник – это своего рода *выродок*, отвергнутый родом, *из-гой* – тот, кто изгнан из гоа, из жизни (ср. С. Есенин: *Гой ты, Русь моя, родная...*), *отщепенец* – тот, кого от древа жизни отщепили, от жизни отженили из-за вкушения им запретного знания, он также и своего рода *издой*, скотина, которую перестали доить. Он обременен изгнанием, чреват словом, речью-языком, который теперь некуда изливать. Изгнание прорастает из плода познания.

Вариация пятая

Боль пути, боль рождения на свет Божий – боль рождения в родину-культуру-язык. Боль утраты материнской утробы: рождаешься из утробы бытия в утробу материнскую, затем из утробы материнской в утробу жизни, в родину, затем из родины-жизни тебя изгоняют. Язык, родная речь, речение родной жизни как место, очаг, внутри и вокруг которого первоначально формируется всё самое необходимое – утварь для духовной пищи... Меня можно выгнать куда угодно, но из меня нельзя изгнать родину. Меня к родине отворотить невозможно... Я буду её неотвратимо восстанавливать *из сырости и ипал, из сырости и серости*... Много званых на пир изгнания, да мало избранных, оставивших свои повседневные заботы и на пир Отца по доброй воле последовавших, дабы насладиться хлебами горькими и вином трезвящим, дающими жизнь вечную.

Вариация шестая

Ностальгия как болезнь, как патологическая тоска по родному дому, по родине-имеющей-место-во-времени и неимеющей. Тоска по определённой местности, пространству, времени утраченной жизни... вся жизнь проходит в тщетных попытках восстановить утраченное... Это тоска по молодости или все же по родине или же – по себе в той родине в их взаимопроникновении

друг друга выстроившим? Как осознать *то*, в результате чего я впадаю в особое патологическое состояние тоски? Тоска по родине земной как духовное пространство метафизического апостериори, как понуждение к оправданию, осознанию, наделению смыслом существующего положения вещей. Патология здесь-приобретенная реализуется как отголосок патологии метафизического порядка. То ревность по доме Твоем мучает, гложет, снедает меня. Онтология патологии (?). Тоска по сущности своей онтологична, мы в неё впадаем, она нами овладевает...

Будущее отбрасывает тени в настоящее: от наполненного смыслом изгнания – к особому рода ностальгии. Тоска по Родине спасет мир.

Вариация седьмая

Изгнанники, скитальцы и поэты... Их изгоняют, понуждают к скитанию, к обустройству своих скитов, поскольку они вносят хаотическое начало в живущее по искусственно созданным стереотипам человеческое сообщество (которое на самом деле никакое не со-общество). Тогда они пишут хронику хронического одиночества... и неизбежно занимаются духовной самоидентификацией: кто есмь я? *Я – еврей, русский поэт и американский гражданин*, – так отвечает Бродский. *Поэзия – уже перевод с родного языка на чужой – русский, французский, немецкий – неважно. Я не русский поэт, не национальный, национальность это заключенность. Орфей взрывает национальность... я русская только через стихию слова*, – таков ответ Марины. Получается, что их правильно изгоняют, ибо какое нормальное человеческое сообщество, связанное законами сугубо своих геополитических интересов, согласится принять такие ненормальные, бессвязные различия.

Вариация восьмая

Оккупация хуже изгнания. В изгнании ты противоестественным, но всё же естественным образом из родины изъят, из языка родного в неведомые дали выброшен. В оккупации на твоих глазах, из тебя здесь-находящегося надругательством и насилием стирается образ родины-языка-культуры, тебя заставляют говорить и мыслить *на чужом языке, посредством чуждых мыслительных структур*... Тебя изымают из тела твоей жизни, понуждают принять новое, чужое тебе тело, тебе в нем тесно, появляются морщины, складки, разрывы, кровоподтеки – тебя в твоем же доме насилуют чужой культурой (а зачастую не просто чужой – фальшивой, искусственно созданной, только внешне на культуру похожей, то есть не-культурой)... заворачивают в мокрые простыни и, вроде бы, жить можно, но это только поначалу можно, затем простыни начинают высыхать и впиваются в голую, потерявшую родное тело душу...

Вариация девятая

Можно ли сделать бывшее небывшим или же небывшее бывшим? – вот в чем вопрос.

Финал знаменитого фильма Калатозова «Летят журавли»: долгожданная, всю жизнь выстраданная свадьба в момент падения героя, то есть это небывшее на каком-то срезе бытия все же сбылось (не бывшим стало, а именно сбылось). Несостоявшееся состоялось. Смерть явилась откровением жизни.

Финал «Соляриса» Тарковского: Кельвин возвращается уже не в бывшее прошлое, а в небывшее будущее – к тогда умершему отцу. Мертвый или живой, отец всегда примет и простит своего блудного сына: он вернулся туда, куда он уже никогда не вернется. Там, где осуществляется прощение, нет ни живых, ни мертвых, ни прошлого, ни будущего – всё происходит здесь-и-сейчас. Финал «Ностальгии»: смерть от сердечного приступа реализуется как возвращение на родину, в туманную, дождливую среднюю полосу России, в русскую народную песнь... И здесь смерть становится высшим откровением жизни: мучительного, выстраданного чаяния (уже почти отчаяния!) родины.

Побывав в модусе Данте во Флоренции («Декабрь во Флоренции», 1976), Бродский тем самым побывал в модусе себя-вернувшегося в Ленинград: видел и слышал, как *толпа, осаждая трамвайный угол, говорила на языке человека, который убыл...* досягаемая Флоренция обернулась недосыгаемым Ленинградом. Он и на самом деле вернулся туда, куда он уже никогда не вернется.

Можно, конечно же, назвать все эти возвращения болезненными галлюцинаторными состояниями, но тем самым мы только обнаруживаем свою неспособность изъясняться о вещах ноуменального порядка. Ежели необходимое пребывание или побывание дома реализуется посредством такого события, которое на человеческом языке называется галлюцинацией, суть дела не меняется. Наша неспособность (или нежелание) находить соответствующие языковые формы для обозначения событий такого рода ещё не так страшна. Страшно другое.

Допустим, с некоторого времени человек живет без родины, без родного города, поскольку то, в чем он находится, это уже не родина и не родной город. Это нечто с изменившимся до неузнаваемости лицом, которое уже практически замещает лик. И такое положение вещей мы, однако, галлюцинацией не называем. Для нас сия фантазмагория по-прежнему родиной зовется. Иллюзия родины в течение жизни за родину принимается, даже если ты внутри этой так называемой родины ощущаешь себя изгнанником или же действительно таковым являешься (... в своей стране я

словно иностранец). Рано или поздно ты всё-таки оказываешься в чужих краях, но не перестаешь образ родины в памяти восстанавливать. Родина, на которую возвращаются, никогда не совпадает с той родиной, которую ты жаждешь вновь обрести... Но в конце жизни, в её сокровенном откровении это будет исходом именно в ту подлинную, неподдельную родину... не иллюзорную и не галлюцинаторную.

Вариация десятая, последняя

*...к стихам у нас относятся серьезно
– за них убивают.*

Осип Мандельштам

I***Есть города, в которые нет возврата...***

Города есть и есть врага,
однако канешь в них без возврата
на родину камнебиением чревата
добровольное возвращение...
слезами умоешься за воображение,
за полночное мыслепроживание
на пустынном родном Васильевском,
где нас ветры с тобой растили,
ныне свидеться не по силе...
обескровили... расселили
по чужбинам поэтов-париев,
чтоб не пели тут, не картавили.

II

Близятся сроки неговорения,
окончательного отлучения
мя от неба,
веры,
воздуха,
земли под ногами...
прошлое соляными столпами
заграждает пути спасения –
Неизбежность изгнания в гетто рождения.
Остается только орати,
и желательно в рифму,
как твои по перу брата,
чтобы, когда затихну,

не разомкнуть объятя,
не соскользнуть с пути,
но прозябнуть и прорасти
в скорбно-радостное *Еси*
обретением благодати
не рыдай мене, Мати,
за чертою распятия –
Неизбежность изгнания в лоно зачатия.

III

А до Светлого Воскресения
чрез последние искушения,
отречение близких, глумления,
совлечение одежд,
поражение
ослепляющей тьмой прозрения.
... вековечили млечные дали:
рифморечили,
умножали
суесловие на печали,
а тем временем – нас предали:
родину... отечество
целованием – на растление,
– на поток и на разграбление –
на пожизненное забвение.

IV

Память отказывается вмещать
пространство устойчивых смыслов,
самое время бессмыслице
первозданных вещей приобщиться:
горечь хлебов поедать
благодареньем сторицей
стужею вызреть
в зримые оком страницы
жизни,
дорастая до обмирщения,
с миром на *ты* общения,
из немотствующего бývания

стихотварное пребывание,
свете тихое тоскование
на беспочвенности лучится,
истлевая, осуществится,
даже если лишится крова,
только бы не пережить слово
нам, выдворенным из гоа жителям...
сплошь города-гонители,
и не важно врата или враата,
главное – без возврата
обреченность на плач вдовый
по отечеству, отчеству, крови
обреченность века глаголить,
повелительным гласом го лить,
потому и не обездолить
нас, бездомных, не отвратить
к родине, не избыть
благодатного разлучения,
давний опыт невозвращения
повелевает быть.

V

Ты ведь знаешь, изгнание
– всего лишь форма
расставанья души и тела:
оказавшимся за пределом,
на бескрайней периферии
вменяется жизнь
наподобие шизофрении,
галлюцинирующая возвращеньем,
скоропостижным перемещеньем
в грядущее:
на пустынный родной Васильевский,
где нас ветры тогда растили,
в мерцающие водоразделы
мысли по-детски зрелой
нескончаемым рифмословием
предсказания в каждом слове –
здесь родные мои по крови,

вслед за ними себя растрчиваю:
 обретаю и вновь утрачиваю
 не по своей вине утраченную
 родину превратили в гетто
 – расползается смерть-окраина –
 остается только фальцетом
 покаянную песнь Каина,
 разрывая времен печать,
 в недра вечности прокрывать,
 обессилев, не замолчать
 на отвесных краях послания
 перестая узнавать
 выпуклость мироздания
 в скорби забытых слов
 снова Гомер, бессонница...
 перерастает зов
 в гул безъязыкой звонницы...
 Ближится день отмщения,
 пройден порог скитания –
 загнаны в возвращение,
 не превозмочь изгнания...

Олена Соболевська

«ЕСТЬ ГОРОДА, В КОТОРЫЕ НЕТ ВОЗВРАТА...»

(ВАРІАЦІЇ НА ТЕМУ ВИГНАННЯ)

Цей текст являє собою десять філософсько-поетичних варіацій на тему вигнання. Кожна варіація є розвитком якогось одного ключового мотиву і проясненням особливостей екзистенціального буття людини-вигнанця. Вигнання інтерпретується в різних смислових модусах і затверджується як неодмінна умова, що сприяє виходу в особливий екзистенційний вимір і пов'язане з ним розуміння життя.

Ключові слова: вигнання, біль, туга за батьківщиною, життя, смерть, повернення.

Elena Sobolevskaya

SCIENCE INDEX (SPIN-cod): 3893-7674

“YEST” GORODA, V KOTORYYE NET VOZVRATA...”

(VARIATIONS ON THE THEME OF EXILE)

This text represents ten philosophical and poetic variations on the theme of

exile. Each variation is the development of one key motive and clarification of the features of the existential being of an exiled person. Exile is interpreted in various semantic modi and affirmed as an indispensable condition of entering into the special existential dimension and understanding of life.

First variation The condition we call exile. Exile is not only the condition that we find, but also the condition that we are initially endowed with. Exile and the associated homesickness, like the course of a disease, can be stable, but can worsen, and not fit into the generally accepted pattern of the disease. With exile, if it is destiny, we act as death or as an incurable, chronic disease. We get used to them, absorb them, allow them to come into our conscious being, and live in the prospect of their inevitability. **Second variation** “I lived the life that was not mine”. These words of Ariadna Efron have been accompanying me for a quarter of a century. Then what about Osip Mandelstam, Pavel Florensky, Lev Gumilev, Joseph Brodsky, etc.? Did they live the life that was theirs? Can a person live not their life and, accordingly, accept not their death, even if it is impossible to make a free choice, when, as it is said, we have no choice? **Third variation** Brodsky never returned to Leningrad... if only for the reason that when returning to his homeland became possible, Leningrad was no longer there – there was St. Petersburg. However, he quite realistically in the Dante modus returned to Florence and at the same time no less real (but already in his modus) – to Leningrad. Tarkovsky, who left to shoot “Nostalgia” and constantly urged the actors not to play, but to live in the proposed circumstances, eventually got and nostalgia, and life, and death in the circumstances proposed by Nostalgia. The experience of not-returning to the homeland inevitably becomes the experience of returning. **Fourth variation** Exile as a worldview, as a way of being. I sift the world around me in accordance with the state of forced staying in a foreign land. I distinguish things not by themselves, as known or unknown, but as alien, absent in my homeland or native, present in my homeland. And to these last I grow accustomed, “settled in”, begin to breathe – to call to mind my homeland bit by bit by the grace of God given. **Fifth variation** The pain of the way, the pain of birth into the Light of God – the pain of birth in the homeland-culture-language. The pain of losing maternal womb: you are born from the womb of being into the mother’s womb, then from the womb of mother into the womb of life, into your homeland, and then you are expelled from the homeland-life. Language, native speech is a hearth, inside and around of which all the most necessary is initially formed – “cutlery and crockery” for spiritual food... Many are invited to the Banquet of exile, and few are chosen. **Sixth variation** Nostalgia as a disease, as a pathological yearning for the fatherland, which has a place in time and beyond. How to understand why I fall into a special

*pathological state of longing for the certain locality, space, time of a lost life..? The pathology acquired here is realized as an echo of the inborn pathology. Longing is essentially ontological, we fall into it, it takes hold of us ... Homesickness will save the world. **Seventh variation** Exiles, wanderers and poets... They are expelled, forced to wander, because they bring chaos in the human community that lives by artificially stereotypes. Then they write a chronicle of chronic loneliness... and inevitably practise spiritual self-identification: who am I? **Eighth variation** The occupation is worse than exile. In exile, one is unnaturally, but still naturally removed from their homeland, thrown out of their native language into the unknown lands. In the occupation, one can witness the destruction of one's homeland-language-culture, one is forced to speak and think in a foreign language, via alien thought structures... **Ninth variation** Is it possible to undo what happened or to do happened what did not happened? – that is the question. In this connection, the author refers to the final scenes of the films “The cranes are flying” by Kalatozov, “Solaris” and “Nostalgia” by Tarkovsky, where the fundamental event, to which the hero was aspiring, happened. The formal realization of these events is such that they can be called hallucinations or death visions, but by doing so we only find ourselves unable to speak out about noumenal things. **Tenth variation, the last one** is a cycle of five poems, the starting point of which is Joseph Brodsky's line – “Yes! goroda, v kotoryye net vozvrata...” However, this cycle is not limited to dialogue with Brodsky only; it is a dialogue with other poets, primarily with Silver Age poets and thinkers.*

Keywords: *exile, pain, homesickness, life, death, return.*

Стаття надійшла до редакції 7.05.2019

Стаття прийнята 23.05.2019